

ПРОЛОГ

Когда заметили, что девочка пропала, громодей был уже далеко. Теплой летней ночью он добрался до березовой рощи, натянул пониже капюшон темного плаща и направился вперед между белыми деревьями с черными пятнами. Березы росли так густо, что все вокруг было черно-белым, а стоило от усталости потерять глаза, голова начинала кружиться, как будто он сбился с пути посреди снежной бури. Он спешил, уходил все дальше в лес, замирал при каждом шорохе. Это шелестели листья на ветру или зверь крался в темноте, но рисковать было нельзя. Под утро он увидел хоровод эльв на поляне и решил обойти его, чтобы крошки-феи его не заметили. Если бы его узнали и поняли, кого он несет, он бы не выбрался из леса живым.

Громодей опустил взгляд на сверток, который держал на руках. Девочка спала. Сейчас она казалась незнакомой. Рыжие кудри вились на лбу, веки подрагивали во сне. Маленькими ручками она крепко сжимала украшение своей матери, как будто боялась, что кто-нибудь его отберет. Еще совсем малышка, она уже понимала: что-то не так, так быть не должно.

Несмотря на обещание, данное волшебнице, несмотря на то, о чем они договорились, он ясно понимал, что должен сделать. Девочку никто не должен найти. Она не должна узнать, что случилось с ее матерью и кем был ее отец. Ей суждено вырасти в Гимле, где строят громадных металлических змеев, несущихся по железным рельсам, а на стеклянных экранах появляются картинки; там, где стреляют из бум-трубок, а музыку передают по воздуху на много миль. В Гимле, в стране под названием Швеция, где, несмотря на все их удивительные изобретения, люди все еще не верят в магию. Там девочка вырастет в полном неведении о том, кто она на самом деле. Нет, Альба Ванадис больше никогда не увидит Запределье.

ГЛАВА 1

ЗАБРОШЕННЫЙ ХУТОР

Велосипеды мчались вдоль старой железной дороги, из-под колес летел песок. Дорогу все еще называли железной, хотя рельсы уже давно сняли и теперь это была всего лишь велосипедная дорожка в лесу. Мелкие камни отскакивали от спиц, выстреливали между деревьями. Альба обернулась к Идунн, пытавшейся догнать ее, и почувствовала укол совести за унижение, которое той скоро придется испытать, когда она узнает, что Альба лишь притворяется ее подругой. Но Альба тут же прогнала эту мысль. В свои тринадцать лет она прекрасно знала, что ни один взрослый на свете не верит во всю эту болтовню о том, что надо быть доброй и помогать слабым. Если хочешь преуспеть в школе Вэрэнд, доброй быть нельзя. Именно поэтому она сейчас здесь.

«Никогда не переходи шоссе!» — дядя Одд столько раз это повторял, что предостережение утратило всякий смысл. По ту сторону только лес — чего там бояться? Но теперь, когда Альба и Идунн стояли на обочине, а мимо проносился один грузовик за другим, да так, что

рыжие кудри Альбы развевались на ветру — теперь она поняла.

— Надо выждать момент, — сказала Идунн, внимательно следя за машинами.

Альба оглянулась и увидела вдалеке Корделию Оделл и Мартина ван Вальдера.

— Что ты там высматриваешь? — спросила Идунн.

— Ничего, — соврала Альба и снова почувствовала укол совести. Она понимала, что так нельзя, что поступать так, как она, нехорошо. Но все равно пыталась убедить себя, что Идунн сама виновата — не умеет становиться невидимой.

Альба уже давно поняла: лучше быть невидимкой, чем терпеть нападки. В начальной и средней школе она в основном оттачивала именно этот навык. Альба была невысокой, ей легко удавалось смешаться с толпой, но ее курчавые рыжие волосы и бледное лицо, усыпанное веснушками, давали одноклассникам простор для прозвищ. Поэтому она научилась сидеть тихо, не высовываться, выбирать одежду не такую страшную, чтобы над ней смеялись, но и не такую красивую, чтобы заметили, что она старалась принарядиться. Гардероб Альбы состоял из невзрачных толстовок, безликих футболок и нескольких пар джинсов разных оттенков синего. Она не общалась ни с популярными одноклассниками, ни с ботаниками. Иногда последние принимали ее за свою — ведь она всегда была одна. Такое случалось несколько раз. Все начиналось с приветливого взгляда и улыбки, потом кто-нибудь просил одолжить ластик, и вскоре они уже пытались сесть с ней за парту или еще хуже — напроситься к ней в гости после уроков. Но одного ее резкого взгляда хватало, чтобы

отделаться от них. Альба умела отталкивать чужие взгляды, людей отпугивала синяя глубина ее глаз.

Вот так она и исчезла с радаров одноклассников, стала невидимкой. Метод оказался эффективным, хотя ей было довольно одиноко. Однако рисковать своей тайной Альба не могла.

Никто не должен узнать, как она живет. Никто не должен видеть ее дядю. Она не готова разгрести последствия.

Едва Идунн Сакс появилась в их классе — всего пару недель назад, — сразу стало понятно, что она никогда не пыталась стать невидимкой. Казалось, она, наоборот, старается выделиться. Идунн смело, с улыбкой и интересом разглядывала новых одноклассников. На голове у нее торчал пук свалявшихся светлых, давно не мытых волос, одета она была в старомодное черное платье, очевидно, доставшееся от престарелой родственницы.

Когда классная руководительница Марианне представила Идунн, все начали хихикать и перешептываться. Сразу стало ясно: у новенькой нет никаких шансов, и Альба невольно ей сочувствовала. Но школа Вэрэнд — джунгли, и, значит, Идунн, как и всем остальным, придется самой о себе позаботиться. Из своего невидимого уголка Альба наблюдала за тем, как новая девочка ведет себя в первые недели учебы.

Альба не знала, где Идунн жила до переезда в Вэрэнд, но предполагала, что в каменном веке. На уроках быстро стало понятно, что она не знает элементарных вещей. Например, новенькая не могла показать на карте столицу или разобраться в таблице химических элементов. Но она сгорала от желания все узнать, постоянно задавала море вопросов, из-за нее уроки истории становились

все длиннее, и это тоже не прибавляло ей популярности. Большинство одноклассников громко вздыхали каждый раз, когда Идунн поднимала руку. На переменах она сидела в школьной библиотеке, глотая книги одну за другой. Альба не понимала, как Идунн, при всей ее любви к книгам, была таким неучем. Мартин и Корделия быстро сделали новенькую своей мишенью и уже в первую неделю начали ужасно ее обзывать. Дикарка и Бродяга — такие прозвища она получила за спутанные волосы, пятна на одежде и черные ногти. Ее сторонились в столовой, а если она вдруг садилась рядом, Мартин и Корнелия делали вид, что их тошнит, и пересаживались.

«Да от нее воняет! Вы только посмотрите — она же ни разу в жизни не мылась. Если я буду сидеть с ней рядом, меня стошнит!» — могла закричать Корнелия.

Обзывательства, насмешки, оскорбления — все, чего так старалась избегать Альба — к ее огромному изумлению, совершенно не задевали Идунн. Она спокойно, почти с любопытством смотрела на Корнелию, когда та изображала, что ее тошнит, — как будто это не она, а Корнелия была странной. А когда Мартин воскликнул: «В школу пробралась бездомная!» — и все в коридоре захохотали, Идунн лишь слегка улыбнулась, словно это совсем не задело. Мартин и Корнелия не ожидали от Идунн такой невозмутимости, и это невольно впечатлило Альбу. Может, и ей лучше быть как Идунн, а не пытаться стать невидимкой?

Однажды в столовой Идунн спросила Альбу, можно ли к ней подсесть. Альба уставилась на нее своими синими глазами — тем самым взглядом, который всех отпугивал. Но Идунн не испугалась. Как ни странно, она решила, что

это знак согласия, и села рядом, не успела Альба и пикнуть. Альба по-прежнему хранила молчание, но есть стала быстрее — чтобы ее не увидели вместе с Бродягой.

Она не могла сказать, что от Идунн плохо пахнет. Новенькая пахла необычно, но не настолько, чтобы кривляться, как Мартин, Корнелия и все, кто повторял за ними. От Идунн пахло землей, лесом, хутором...

— Найди себе другое место, — сквозь зубы прошипела Альба.

— Почему это? — удивленно подняла брови Идунн.

— Потому что я не хочу в это ввязываться. Не хочу, чтобы кто-то подумал, будто мы подруги. Тогда и меня начнут дразнить.

— Ты не хочешь со мной сидеть, потому что боишься того, что о тебе подумают другие? — помедлив спросила Идунн, как будто это раньше не приходило ей в голову.

— Послушай, — дипломатично произнесла Альба, — если хочешь стать здесь своей, начни мыться, не ходи с грязными ногтями, купи новую одежду. И причешись. Ты выглядишь так, будто у тебя на голове воронье гнездо.

К изумлению Альбы, Идунн расхохоталась. Это был неожиданный смех, светлый и искренний.

— Воронье гнездо!.. — повторила она сквозь смех.

— Смотрите, Альба дружит с Бродяжкой!

Конечно же, как раз в этот момент появились Мартин и Корнелия.

— Бродяжка и Морковка, вот это комбо!

На щеках Альбы выступили красные пятна, она уставилась в пол и сидела так, пока одноклассники не ушли. А вот Идунн совсем не смутилась.

— Раньше я тоже постоянно пыталась быть как все, — сказала она. — Одевалась как все, заплетала косы, красилась и ходила с кольцом в носу.

Альба попыталась представить себе эту чудачку с макияжем и пирсингом, но не смогла.

— Но сколько бы я ни пыталась, все равно не могла вписаться, — продолжила Идунн. — Поэтому я решила оставаться собой, и теперь меня больше не волнует, что обо мне подумают.

Альба оглядела странное платье Идунн:

— То есть вот в этой одежде ты чувствуешь себя собой?

— Нет, это мне тетя дала. Сказала, что мне пойдет.

— Твоя тетя, похоже, не очень разбирается в моде, — пробормотала Альба.

Идунн, кажется, не расслышала.

— Я помогаю ей на хуторе перед уроками, поэтому у меня такие черные ногти. Сейчас мы сажаем зелень, и тетя рассказывает мне про лечебные травы и учит ухаживать за животными.

— Она что, хиппи какая-то? — фыркнула Альба.

Идунн покачала головой:

— Она ведьма.

— Ну да, конечно...

Альба решила, что с нее хватит. Ей не хотелось давать Идунн лишний повод надеяться, что они станут друзьями.

— Мы с тетей живем на хуторе Бьёркагорд. В северной части леса, — продолжила Идунн, пока Альба забирала поднос. — Приходи как-нибудь в гости.

— Нет, спасибо, — ответила Альба и поспешила уйти.

Так она узнала о тете Идунн, живущей по ту сторону шоссе. О ведьме из Бьёркагорда.

Мартин и Корнелия в тот же день догнали Альбу в коридоре и стали расспрашивать о новенькой.

— Ведьма! Seriously? Прямо так и сказала? — Они переглянулись, не веря своему счастью. — И где же она живет? На Лысой горе или как?

— На хуторе Бьёркагорд. В северной части леса.

— Вот врунишка! — воскликнула Корнелия. — В Бьёркагорде уже много лет никто не живет. Там ни души.

Именно из-за Мартина и Корнелии Альба и Идунн теперь стояли у края шоссе и смотрели, как мимо в лучах послеобеденного солнца с грохотом проносятся грузовики. Мартин и Корнелия решили, что Альба должна отправиться в гости в Бьёркагорд — так они смогут проследить за новенькой. Уж они проучат эту выскочку. Альба сначала сомневалась, но ей очень хотелось хоть разок побыть *своей*.

Идунн страшно обрадовалась, когда она вдруг передумала и предложила в тот же день отправиться в Бьёркагорд.

— Поехали! — крикнула Идунн и, улучив момент, рванула через дорогу, петляя между грузовиками.

Альба, опомнившись, бросилась за ней, но слегка замешкалась и не смогла набрать нужную скорость. Велосипед вилял по широкой дороге, а навстречу ей мчался

сигналивший грузовик. Она отчаянно крутила педали, но запаниковала, не справилась с управлением и упала. Грузовик продолжал сигналить, но тормозить, по-видимому, не собирался. Альба бросилась бежать, таща велосипед за собой, и едва успела проскочить перед грузовиком. С трудом переводя дыхание, она подошла к Идунн. Они снова сели на велосипеды и углубились в лес. Солнце опускалось все ниже, деревья окружали их все плотнее.

— Почти приехали, — сказала Идунн.

За следующим поворотом возник хутор — словно ниоткуда. За годы забвения лес подобрался вплотную к замшелым стенам каменных построек. Рядом стояли обшарпанная конюшня и старый сарай. Красный дом посреди участка выглядел... симпатичным, но свет в окнах не горел, дым из трубы не шел, и никаких животных тут не было.

Альба скептически посмотрела на Идунн. Все как говорили Мартин и Корнелия. Она просто врушка, которой не хватает внимания.

Девочки перепрыгнули через изгородь, прошли мимо старого земляного погребка, вырытого у подножия холма. На холме росла раскидистая береза — дереву было не меньше нескольких сотен лет, его корни оплетали погреб. Вокруг росли березы поменьше — вероятно, благодаря им это место и назвали Бьёркагорд — «березовый хутор» по-шведски.

Идунн направилась к дому и распахнула незапертую дверь.

— Привет! Я дома! — переступив порог, крикнула она.

Альба заглянула внутрь. Она увидела закрытые двери по сторонам длинного темного коридора и разби-

тую деревянную лестницу на второй этаж. Настоящий заброшенный дом с привидениями. Похоже, тут давно не было ни одной живой души.

— А можно включить свет? — осторожно спросила Альба, пытаясь нащупать выключатель.

— Кажется, в кухне есть керосиновая лампа, — сказала Идунн и вопросительно посмотрела на Альбу, застывшую на пороге. — Ты идешь?

Обстановка становилась все менее приятной. Может, девчонка ненормальная? Вдруг она сейчас начнет разговаривать с воображаемой теткой-ведьмой?

— Но здесь же никто не живет, правда? — спросила Альба, указывая на запертые двери. — Ты все выдумала. Этот дом заброшен.

— Ничего я не выдумала! — возмутилась Идунн.

— Может, ты чокнутая?

— Никакая я не чокнутая!

— Ну, и где тогда твоя тетя?

— Не знаю, отошла куда-то.

Альба прошла по темному коридору мимо удивленной Идунн и стала одну за другой распахивать двери — за каждой были только пыльные, заросшие паутиной и, главное, совершенно пустые комнаты.

— Почему тут ничего нет?

— Мы только что переехали.

— Ты врешь!..

Альба распахнула последнюю дверь и застыла от изумления.

В кухне, в отличие от других комнат, не было ни пыли, ни паутины. Альбе показалось, что она очутилась в другом веке, когда тут еще кипела жизнь.